

ЛЕВ ЦИТОЛОВСКИЙ

ВСЕСИЛЬНЫЙ

Лев Цитоловский

Всесильный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70064002

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга содержит сборник миниатюр, посвященных взаимодействию нашего внутреннего Я с внешним миром и другими Я.

Содержание

Всесильный	5
Косая	7
Прощание	8
Промашка	10
Кондовые страхи	11
Под надзором тела	13
Реабилитация смерти	16
Любовь и риск	20
Больно сердобольный	22
Больным не читать	24
Истоки шовинизма	29
Экспансия себя	36
Зачатие веры	39
Жизнь и новизна	41
Насыщение жизнью	43
Не всё дело в брюках	46
Обыденность	47
Восхитительный уродец	48
Безопасная бритва	53
Палые листья и павшие	56
На асфальте	58
Звучание сердца	60
Прогресс и старики	61

Неприступное сообщество	62
Иерархия пиетета	65
Святое право на аферу	68
Растяжимая правда	70
Ущемление по закону	75
Клин – клином?	79
Бездельник тоже хочет жить	81
Адвокатски беспредел	82
Налог на челядь	85
Невольный геноцид	87
Голосуете списком?	90
Эволюция коррупции	92

Лев Цитоловский

Всесильный

Всесильный

Ветер набрал силу, гнал волну и бросал брызги в лицо. Волны били о днище и подбрасывали лодку. Хотя свитер намоч, было не очень зябко и стоило бы грести дальше, но лодку сносило ветром. Максим вывел ее на отмель, привязал к полузатопленной коряге и натянул над собой тент. Теперь ненастье осталось снаружи, он сбросил одежду и решил переждать. Ветер сотрясал туго натянутый тент, но не задувал в щели. Максим лежал на спине и думал о всяком. Редкие горошины падали на брезент, превращались в светлые пятна и с наветренного края слились уже в сплошные желтые полосы.

Под куполом трудился в заботах крошечный паучок, и не было ему дела до непогоды. Он суетливо перебирал тонкими лапками и больше походил на заводную игрушку. Когда брезент сотрясало порывами ветра, он распластывался на паутине, как матрос на снастях, но иногда срывался, повисал в пустоте и снова взбирался под купол.

Да, братишка, думал Максим, не такой уж ты примитивный. Но стоит ли тебе трудиться? Окончится дождь, встану,

скину тент и пропала твоя работа. Максим вдруг заметил, что тот не один. Рядом возилась большая темно-серая паучи-ха. Она подскочила к супругу и стала быстро жестикулировать. Узнать бы о чем, да как узнаешь? Коллективные твари, вместе гнездо строят, жаль, что весь труд пойдет насмарку.

А ветер не унимался. Сбивал всякий раз одного, другого и, пока тот болтался над бездной, второй беспокойно сновал по брезенту. Самец так увлекся работой, что оказался как раз над головой у Максима. Эге, братец, подумал тот, если ты снова сорвешься, как раз в лицо угодишь. Он решительно провел подошвой по тенту и с сожалением вздохнул. Самка замерла на мгновение и торопливо засеменила по краю, к дождю и ветру.

– Куда ты, глупышка, – громко сказал Максим, – не паникуй. Не трону.

Но разве поймет паук человека?

Косая

Ей было тесно и скучно. Ей было темно. И думалось о своем, потустороннем.

Казалось, так было всегда и было жутко, что так всегда и будет. Она устала от однообразия, которое истомило ей душу. И ей надоело ждать. Её манила капля неба, глядевшая на нее из длинного черного коридора. Она не была еще там никогда, но знала, что судьба её там. И когда бурлящая сила толкнула её, она встrepенулась и вылетела высоко к солнцу.

О, как засвистел ветер! Сколько света и голубизны, простора и свободы!

Нежные струи ласкали бока, а неведомые прежде запахи поведали о тайнах мира. Только бы попасть к людям, думала она. И её желание исполнилось. Но только никто этому не был рад.

Прощание

Клумба около нашего подъезда скорее напоминает полянку, цветов там почти нет, зато трава всегда свежа, об этом заботятся. Возвращаясь как-то домой, я издали заметил, что полянка заполнена кошками. Кошек у нас привечают, но такого количества я не припомню. Видимо, набежали со всех окрестностей. Станным было и то, что они были чересчур смиренно настроены: не бегали, ничего не искали, не играли и почти не шевелились. Я невольно замедлил ход и посторонился, пропуская соседку, Валентину Иннокентьевну. Кошачья сходка её ничуть не заинтересовала, она лишь равнодушно скользнула взглядом по необычному сборищу.

Подойдя поближе, я увидел, что и расположены они странно, почти по кругу размером четыре-пять метров. Морды направлены к центру, хвосты чуть подрагивают. Я осторожно приблизился и увидел, что посередине лежит их мертвая подруга. Они с ней прощались, нервно переживая.

Это было так выразительно, что я замер и невольно присоединился к этой траурной церемонии. Так продолжалось несколько минут, потом они зашевелились и в полном молчании, неспеша, разошлись в разные стороны. Погибшая осталась в одиночестве.

Никогда раньше не приходилось мне наблюдать ничего похожего. То ли процедура слишком коротка, то ли смерть

редко застаёт беднягу на поляне, у всех на виду. А может быть, это погибла особенно уважаемая кошка.

Промашка

Васютка гулял с бабушкой и нашел на тротуаре 10-рублёвую монету. Он вытер её о штаны и отнес в ближайшую урну. Любил Васютка порядок.

Что же ты деньги в мусор бросаешь? – спросила бабушка.

– На эту монету всё равно ничего купить нельзя, – уверенно пояснил он с видом опытного и понимающего жизнь человека.

Васютка еще не догадывается, что деньги можно копить. Нашел бы он такую же монету еще пару раз, и можно было бы приобрести, скажем, воздушный шарик.

Кондовые страхи

– Папочка, ну пожалуйста, ну ты, хотя бы, дверь не совсем закрывай, щелочку оставь, хотя бы малюсенькую. – Анечка приподняла голову над подушкой и просительно улыбнулась. – А я завтра утром сама твою чашку вымою. И ложку.

Аня боится темноты, не верит, что спать при лампе – вредно. Каждый вечер её уговаривают уснуть без света, но тщетно. Она, то выпрашивает не выключать ночник, то шторку на окне открыть, или, хотя бы, музыку включить. Папа уж пробовал приучать её постепенно: сначала лежать в темноте пять минут, потом десять, пятнадцать. Но ничего не вышло, она покорно и почти без страха лежала в темноте, не засыпала и ждала, когда включают свет. Когда она выдержала так целый час, он свой эксперимент прекратил, но понемногу уговаривал.

– Хватит, Анечка, каждый вечер одно и то же.

– Тогда позови сначала мамочку, я с ней забыла попрощаться. Как я засну, если не пожелаю ей спокойной ночи?

Это она, конечно, хитрит. С мамой было легче настаивать на своем и капризничать.

– Сколько можно? Ты через два года уже в школу пойдешь.

– А в школе – темнота? – прошептала Аня.

– Да как тебе сказать..., не то, что ты думаешь. Сама по-

том всё узнаешь. Короче, когда у тебя прекратятся эти глупые страхи?

– Никогда не прекратятся. Мне каждый раз страшно заснуть, когда кругом тьма. Я же тогда не увижу, кто здесь прячется. И всегда так было.

– Ничего подобного, когда ты было крошкой, ты темноты не боялась, засыпала без света, как миленькая.

– А вот и неправда, еще как боялась. Просто я тогда говорить не умела и не могла пожаловаться. Я даже боялась, когда у мамы в животике сидела, закрою глаза и умираю от страха.

– Ну, это ты уж чересчур. Чего ты там-то могла бояться? Тепло, уютно и мама со всех сторон загораживает...

– Да, папа? А вдруг дядька-бандит залезет?

Черт, подумал папа. Неужели в мире вообще нет надежного закутка?

Под надзором тела

А-а-пчхи!

– Будь здоров.

Стандартный диалог. Чихнул? Получи напутствие быть здоровым и дальше, не заболеть. Несколько раз чихнул, снова здоровья пожелают. Другое дело – кашель. Тут уж не услышишь благословений. Поздно, человек уже занемог. Вот если чихнул, то пока еще здоров. Но может расхвораться. Самое время посулить ему и дальше оставаться в норме.

Возникает вопрос: почему здоровый человек иногда чихает? Это он имитирует простуду – организм тебя предупреждает: поберегись, ты в опасности, можешь и слечь. Стоит промочить ноги, ощутить сквозняк, внезапно оказаться на холоде – тело тебе напоминит: будь осторожен, простынешь. Так уже с тобой было когда-то раньше – озяб и захворал. Ты сам тогда не сопоставил, но тело помнит. Условный рефлекс?

Больше того, чихание заразительно. Кто-то чихнул, и ты можешь чихнуть в ответ: вблизи потянуло холодом, а ты пока опасности не чувствуешь. Организм, как бы, предостерегает, что можно и заразиться. Тот уже почти что слег, но и ты ведь не железный.

Однако сквозняк может заставить чихнуть и младенца! А ведь он-то никогда еще ничем не болел, и тело его приобре-

сти такой хитрый навык никак не могло. Память ему досталась от предков, это врожденный, безусловный рефлекс, инстинкт.

С годами отношение к неизбежности собственной кончины меняется. Многое уже повидал, испытал, создал то, что смог. Силы уже не те, друзья, почти все, ушли, подруги не привлекают. Страх смерти, может быть, не исчезает совсем, но отступает. И вот, ты равнодушно бредешь по улице, задумался, переходя дорогу, о чем-то несущественном и вдруг слышишь резкий сигнал автомобильной сирены. Ты вздрагиваешь и замираешь. Тебе было, как бы, почти всё равно, но тело боится.

Можно подумать, что всё это припахивает мистикой. Не слишком ли, чтобы тело что-то знало, помнило и напоминало о своих неосознанных опасениях его величеству сознанию?

Да, так устроена жизнь. Органы, ткани и даже клетки регулируют свою деятельность, чтобы любым возможным способом, не мытьем, так катаньем, поддерживать жизнь. И это отнюдь не всегда сохранение постоянства внутренней среды. Американский физиолог Уолтер Кэннон почти сто лет назад описал гомеостаз живой ткани, как «мудрость тела». Гомеостаз приспособляется к окружающим условиям, подстраивается к переменам и тренирует свои усилия. Каждая нормальная клеточка ведет себя целесообразно и на общее благо.

Поэтому тело способно подсказать нашему таинственному «Я» что-то полезное и не всегда призывает нас к беспутству и разгулу. Впрочем, разум не всегда обязан следовать за опекой тела. А тело обычно залечивает раны, не привлекая разум на помощь.

Реабилитация смерти

Живая ткань прилагает усилия, чтобы восстановить жизнедеятельность, если она пострадала по той или иной причине. На это направлен инструмент поддержания живучести – гомеостаз. «Мудрость тела» – назвал гомеостаз Уолтер Кеннон. И это, в самом деле, мудрая деятельность. Речь не идет о поддержании неких идеальных, сакральных, констант организма, которые природа как-то хитро, почти волшебным образом регулирует, как высшую, недоступную для нас цель. Главное – сохранить жизнь. Больше того, при изменении условий существования гомеостаз перестраивает свою работу и находит новые оптимумы.

А ведь в мире всегда нарастает беспорядок, это закон природы. Бросьте в стакан кусок сахара, он быстро растворится и подсластит воду. Но ждать, пока в стакане сладкой воды образуется кристалл сахара, а вода станет пресной, не стоит. Можно добиться этого, например, выпариванием, но процесс не пойдет сам. Конечно, вещи тоже не всегда спешат разрушаться и долго сохраняют свои свойства и форму, а вот живые существа изменчивы, но остаются живыми. Они как-то умеют обходить этот суровый закон. Правда, атаки враждебного окружения иногда их частично повреждают, но они себя легко восстанавливают, иначе не смогли бы выжить.

При ухудшении состояния система теряет устойчивость и

выполняет те или иные пробные действия. Хуже самочувствие – увеличивается интенсивность случайных шагов и так до тех пор, пока не исчезнет нестабильность. Это напоминает скопление беспорядочно движущихся в растворе частиц пыли в окрестности полюса холода. Принцип прост: если тебе плохо, делай хоть что-нибудь. А если хорошо, то на этом успокойся. В результате будет найден наиболее благоприятный режим, в котором есть шанс сохранить жизнь, гомеостаз на страже. К этому стремится всякая тварь – жалкая амeba, берёза, заяц и даже человек, невероятные создания природы. Внутри каждого – целый мир, то, что пережито. Семья, друзья, сослуживцы, соседи образуют устойчивый фон, мирок, в котором протекает жизнь. Среду со своими связями, отношениями и обычаями, мудрыми и не очень. Каждый из нас погружен в свое человеческое окружение, мы живем вместе с людьми, а они существуют внутри нас. Вы потеряли друга, но он не ушел в небытие, пока вы сами живы. При смене поколений мимолетная среда исчезает навсегда. Мы присутствуем в этом мире временно. Пока мы здесь, мы восхищаемся или презираем, надеемся или унываем, наслаждаемся или страдаем и всё это вместе с теми, кого мы любим или ненавидим. Тяжело примириться с неизбежностью предстоящей утраты. И, тем не менее, сама возможность ощущать и радость, и горе возникает от того, что мы смертны.

Жить, как известно, опасно; от этого умирают. Страх смерти заложен в нас природой. В загробную жизнь уже да-

же и слюнтяи не верят, хотя стараются себя в этом убедить. Смерть ужасна, но без неё не прожить – это наша сестра. Повреждение ощущается, как негативное состояние, а избегание опасности радует. Разумеется, мы не можем знать, что на самом деле чувствует живая ткань. Даже о тайных мотивах своего собеседника мы только догадываемся. Во всяком случае, для внешнего наблюдателя живое воспринимает повреждение, как неприятное ощущение – и действует, а восстановление – как приятное – и успокаивается. Любая наша клетка ведет себя, как крошечный субъект, и ощущает, хорошо ли ей, либо есть угрозы, и тогда она бьется за безопасность. Нейроны мозга тоже ощущает свое состояние, как хорошее или плохое, но для одного нейрона «плохо» это холодно, а для другого – голодно. Так из этих маленьких впечатлений и складываются наши чувства. От плохого уклоняются, к хорошему тянутся. Конечно, при желании, поведение ткани можно описать, как, скажем, избегание состояний с низкой свободной энергией. Обе интерпретации описывают поведение реалистично и обе могут оказаться верными. Дело вкуса, суть не меняется от того, как мы это назовем.

Не было бы смерти, и нечего было бы желать, бояться, не о чем сожалеть. И если бы мы когда-либо, вдруг, встретили бессмертное существо, оно не имело бы чувств, так как ничего бы не хотело, у него отсутствовал бы повод что-то ощущать. Оно не совершало бы никаких поступков, потому что ему некуда и незачем было бы спешить. Для него текущий

момент был бы воплощением вечности. Этот демон равнодушно рассуждал бы, но «без слез, без жизни, без любви».

Любовь и риск

Весна уже плавно переходила в лето, я шел через парк и думал о всяком. Солнце припекало, и народ предпочитал проводить выходные за городом. Хотелось тени, я покинул аллею, пересек рожицу и вышел на широкую ухоженную тропинку, где скамейки помещались лишь с одной стороны и обычно их занимают парочки, где им никто не мешает. Сейчас здесь было безлюдно, бродили только голуби. Они подбирали корм, выложенный еще прохладным утром добрыми старушками.

Некоторым птицам было не до еды, они занимались флиртом. Мне навстречу семенила одна такая пара. Кавалер нежно ворковал, распушал перья, забегал перед дамой то с одной, то с другой стороны, резко поднимая и опуская голову. А иногда, немного отстав, чтобы она поняла, как плохо быть одной, вдруг с победным криком бросался вперед, догонял и преграждал ей дорогу, преданно заглядывая в глаза. Он, как бы, успокаивал подругу после недолгой разлуки: «Вот он я, родная, никуда не делся, мы вместе навсегда». Заметив возможных соперников, которые, впрочем, продолжали мирно поедать крошки, голубь слегка распускал крылья, как будто он немного орел, и угрожал клюнуть. Эти ритуальные угрозы никого не пугали.

Дама, между тем, как бы не слишком замечала его стара-

ний, но и не отвлекалась на еду – сейчас был не тот момент. Она медленно переступала шаг за шагом, и я невольно остановился.

Наконец, она оказалась вблизи от меня и ухажер, обогнав ее, неожиданно обнаружил постороннего. Он перестал ворковать, сложил перья, сразу похудев до заурядного подхалима, и торопливо взлетел на соседнюю лавочку. Ему вдруг стало не до барышни. Впрочем, она не очень-то и заметила утрату, присоединилась к обедающим, и ее уже трудно было отличить от прочих.

Больно сердобольный

Иногда так бывает, ищешь одно, а натыкаешься на другое. И это, другое, застревает в памяти навсегда. Так случилось однажды, когда я гулял по лесу, раздумывая о всяком, и понемногу наполнял корзинку дарами осени.

Собирая грибы, я незаметно для себя отклонился от привычного маршрута и оказался в глухой чаще. Солнечный свет здесь слабо проникал через густое переплетение веток в кронах деревьев. Я с трудом обходил пни, пробирался через торчащие корни, а корзина цеплялась за голые сучья и колючки. Грибы еще продолжали попадаться, я двигался за ними наугад. В таком лесу невозможно двигаться по прямой, петляешь, как придется, от одного просвета к другому. Под ногами теперь была голая почва, не поросшая травой. Пропала даже крапива и островки мха перестали радовать глаза зеленью. Потом грибы окончательно исчезли, и я напрочь потерял направление.

Внезапно, за одним из стволов я заметил что-то сероватое, матово отсвечивающее на черной земле. Я перелез через поваленное дерево и увидел голый череп. В одной из глазниц торчала шишка. Он свободно лежал на поверхности земли, сиротливо прислонившись к щербатому стволу. Других частей скелета вокруг не было видно. То ли хищники растащили, то ли кто-то неизвестно зачем приволок сюда одну лишь

только голову. Голову крупной собаки, немолодой уже, если судить по зубам.

Наклонившись, я понял, что привезли сюда и бросили не голову, а живого пса. К стволу дерева был привязан плотный брезентовый поводок, а на конце поводка сидел намертво закрепленный кожаный ошейник.

Хозяин таким путем когда-то избавился от своего питомца: то ли он стал не нужен, когда состарился, то ли надоел. А может быть, пес просто в чем-то провинился.

На земле, рядом с черепом, лежала миска. Хозяин все-таки пожалел старого друга и оставил ему немного еды. Он, конечно, понимал последствия и так пытался успокоить остатки своей совести.

Не знаю, погиб ли пес от голода, или его растерзали дикие жители леса, когда он окончательно ослаб. На поводке я не заметил следов зубов: пес не пытался таким способом освободиться. Не догадался. Или не решился тронуть хозяйское имущество.

Больным не читать

Всякому известно, что врачевание – это таинство. Если рецепт слишком примитивен, то кто такому предписанию поверит? Наш организм сложен, недомогания загадочны, а хворь не приходит одна. Простыми способами здоровье не вернуть. Когда врач советует наложить холодный компресс и не выпишет никакой микстуры, в следующий раз больной наверняка запишется на прием к кому-нибудь другому. А если это не реально, то как-нибудь обойдется подручными средствами.

Поэтому, некоторые охотнее верят бабе Любе из соседнего подъезда и употребляют крапиву, вываренную в настое неспелой клюквы на парном козьем молоке. И микстура будет особенно эффективна, если на крапиву незадолго перед тем, как её сорвали, помочилась собака.

Вот почему лекарства, приготовленные сложным путем и на основе многих ингредиентов, вызывают больше доверия у пациентов.

Особенно стараются гомеопаты. Они смешивают в строго определенной пропорции выжимки из десятков экзотических трав, каждая из которых имеет латинское название. И это обычно помогает. Главное – верить. Тогда в роли панацеи может выступить и плацебо. В связи с этим, существует простой способ внушить пациенту, что лекарство сложное, и

не сделано на скорую руку. Стоит лишь указать его название так, что его трудно будет прочесть и невозможно произнести.

Подобрать оптимальное на данный момент лекарство против конкретной болезни – тяжелая работа. Для начала изучают, какими препаратами лечили эту болезнь раньше. Каждый кандидат влиял по-своему на множество симптомов болезни и возникает соблазн подобрать такую смесь факторов, которая бы ликвидировала проявление нескольких симптомов сразу. Поэтому лекарства, в силу добрых намерений их авторов, иногда имеют сложный состав.

Осуществить эту задачу на практике, однако, отнюдь не просто. Воздействие любого вещества зависит от дозы, но это не прямая зависимость. То, что в малых концентрациях лечит, в больших иногда калечит. Необходимо подобрать оптимум. Для этого выделяют несколько базовых концентраций, влияние которых следует проверить в эксперименте, и эти опыты крайне трудоемки. Допустим, приготовили 10 растворов разной степени насыщенности (это очень грубый подбор, для поиска хорошего оптимума требуются более тонкие нюансы). Каждый из растворов нужно протестировать на десятках животных, изучая влияние на известные симптомы болезни. А потом проконтролировать на людях. На это уйдут многие месяцы, но это проверка лишь одного вещества, а испытать придется каждый из предполагаемых ингредиентов.

Составные части могут в комбинации усиливать, ослаб-

лять, менять знак и продолжительность эффекта друг друга, не говоря уже о побочных проявлениях. Так происходит не всегда, но ведь следует в этом убедиться. Предстоит каждую из концентраций одного вещества испытать в комбинации с каждой из концентраций второго. На это при добросовестном исследовании (если значимость выводов хотя бы 95 %) уйдет 2–3 года, а чтобы найти оптимум для трех компонентов – 15–25 лет. Подбор четырех компонентов займет целый век, если кто-то профинансирует этот адский труд. Конечно, исследование можно упростить, если исключить заведомо бесперспективные варианты. Тогда завершить подбор можно гораздо быстрее. Однако ясно, что хорошо оценить эффективность и безопасность смеси нескольких простых лекарств – нереально. Проще выбрать наиболее обещающую смесь из нескольких проверенных, выбранных из лучших побуждений, но почти наугад. Поэтому выписанный вам препарат, составленный более чем из-трех частей, основан на данных, полученных на скорую руку.

Кроме того, что индивидуальное лекарство иногда имеет сложный состав, врач чаще всего выписывает больному комплексный рецепт, который с трудом умещается на бланке. Доктор, конечно, пытается учесть возможность лекарственного взаимодействия. Но теперь вспомним, что больной, как правило, употребляет смесь таблеток и микстур, от многих специалистов: терапевта, хирурга, уролога, кардиолога, невропатолога и пр. Совместное их применение иногда пробле-

матично, а в инструкциях обычно указывают лишь пары, находящиеся в резком диссонансе. Лечащий врач должен учитывать все лекарства, которые принимает его пациент, и назначенные другими специалистами – тоже. Но, как правило, он этого не делает. И даже если вы очень важный человек, находитесь на особом обслуживании, ваш доктор вряд ли справится с этой задачей. Таких данных наука пока просто не способна получить. Может быть, на этот раз всё для вас и окончится благополучно, но кто об этом знает заранее?

Между тем, наука развивается, и появляются шансы нащупать истинные причины болезни. Тогда можно попытаться ликвидировать поломку осмысленно, воздействуя на вышедшее из строя химическое звено. Например, для лечения язвы желудка используют ингибиторы протонного насоса, который перекачивает ионы H^+ через клеточную мембрану против градиента, затрачивая на это энергию, полученную тем, или иным способом. Это, в свою очередь иногда патологическим образом меняет кислотность среды и требует вмешательства медиков. К настоящему времени уже обнаружены лекарства, угнетающие протонный насос, снижающие уровень соляной кислоты в желудочно-кишечном тракте и облегчающие состояние больного. Но протонный насос играет ведущую роль в огромном множестве процессов, достаточно назвать лишь производство АТФ в митохондриях или обеспечение информационных процессов в мозге. Поэтому внешнее вмешательство в его работу может привести к по-

вреждению важных функций и к неприятным последствиям. И этот пример не является какой-то редкой неудачей.

Биохимические реакции в живой клетке совместно поддерживают ее состояние, и поэтому локальное воздействие почти с неизбежностью приведет к неожиданным эффектам. Именно это и является причиной существования давно известного лекарственного взаимодействия. Так что, не смотря на некоторые успехи фармакологов, отдыхать на лаврах время еще не настало.

На случай, если сюда заглянет кто-то, считающий себя больным, хочу особо отметить, что следует быть осторожным и не злоупотреблять количеством снадобий, которые вам постепенно насоветовали. Но самое главное, меньше задумываться о своей болезни, верить врачу, он желает вам лишь добра. И надеяться на лучшее. А там, глядишь, организм справится и сам.

Истоки шовинизма

Чтобы понять самого себя иногда полезно понаблюдать за примитивными существами. Так, прошлым летом я близко познакомился с вороненком, у которого возникли трудности на жизненном пути. В мае птенцы окончательно прощаются с родной скорлупой и начинают привыкать к жизни, но для некоторых она оборачивается суровой стороной, если они слишком рано покидают гнездо и лишаются материнской заботы. Причины могут быть разными, то ли малыш случайно выпал из гнезда, то ли не ужился с братьями в борьбе за пропитание, а иногда мог чем-то не понравиться собственной матери.

Приземлившись, мой будущий питомец не слишком долго страдал от одиночества, им заинтересовалась соседская кошка. Вороненка я у неё отнял и назвал Кирой, размером она была всего лишь с ладонь. Принес её домой, закрыл, от греха подальше, домашнего кота Винсента в другой комнате, и поставил на стол, на собственные ноги. Оказалось, она уже была в состоянии ходить, это были её первые шаги, по гнезду-то не больно разгуляешься. Кира подошла к краю стола, заглянула вниз и осторожно отодвинулась. Тогда я спустил её на пол, пусть осваивается.

Но Кире было не до прогулок. Добывать пищу она еще не могла и, больше того, не получалось даже склевывать пищу с

пола или с руки. Она задрала голову, широко разинула клюв, глядя одним глазом на меня и громко каркнула голосом почти взрослой птицы. Своим кормильцем она, похоже, назначила меня.

К счастью, Кира была не слишком разборчива в еде. Её устраивали крошки хлеба, колбасы, кусочки сырого мяса или рыбы и пойманные мною заранее мухи. В разинутый рот нужно было вкладывать лакомый кусочек, она глотала и сразу же требовала еще. Впечатление, что она бы проглотила и металлическую гайку, если бы я решился на такое зверство. Возникало даже впечатление, что до сыта не насыщалась она никогда. В процессе потребления еда быстро переваривалась, остатки она выбрасывала на чистое место (в этом отношении она была весьма аккуратна) и тут же продолжала выпрашивать еду снова. Не удивительно, если она, в конце концов, надоела матери-вороне.

Учитывая наступившие солнечные дни, пришло уже время выезжать на дачу, и следовало бы взять Киру с собой. Здесь мне вряд ли удастся поддерживать статус-кво с Винсентом. Поэтому кота я решил оставить на внука Тёму, а сам начал понемногу упаковывать вещи и выносить их в машину. Однако при очередном возвращении в дом я застал неожиданную сцену. Винсент умудрился сам открыть комнату, замер на пороге в крайнем удивлении, а Кира стояла около него, задрав морду, разинув клюв и каркала, то ли сердилась, то ли громко требовала еды. Винсент, естественно,

оценил нахальное поведение Киры, как признак её высокого положения на общественной лестнице и даже втянул голову в плечи. Обнаружив мое появление, Кира поковыляла ко мне и потребовала внимания к своим проблемам. Поэтому, обнаружив мир в доме, я понял, что большой срочности в отъезде на дачу нет, и у меня еще впереди несколько дней на сборы.

Появившийся вскоре Тёма тоже признал ситуацию, как стабильную, и предложил ехать на дачу одному, а со зверинцем он справится и сам. Но это было недальновидное решение. Выращивать Киру следовало на природе. Там у неё появится возможность освоиться, научиться летать, добывать пищу и вернуться в дикую среду. Кто знает, вдруг она потом прибьется к вороньей стае? А пока Кира продолжала насыщаться, попутно заглядывая во все углы.

На даче я быстро сколотил для Киры жилище. Это был вместительный загон из проволочной сетки, внутри которого я поместил домик поменьше, на случай непогоды. Выход из клетки в сад я мог, при желании, оставить свободным, чтобы помочь Кире в акклиматизации. Но сохранилась возможность отгородить её от местных котов. Потом, правда, выяснилось, что котов она не боялась, но и не обижала, а позже, когда уже научилась летать, подружилась даже с соседским псом, который специально протискивался под забором, чтобы поиграть с Кирой. Посторонние люди тоже не вызывали у Киры страха. Еду, однако, она выпрашивала только у ме-

ня, настойчиво преследуя по тропинкам и широко разинув клюв.

Однажды ко мне заглянул сосед, я собирался поделиться с ним своими саженцами. Он присел на корточки около грядки и осторожно окапывал приглянувшийся ему куст. В это время на грядке объявилась Кира и попыталась проконтролировать, что там происходит. Видимо, всё, что находилось на её территории, Кира воспринимала, как принадлежащее ей. Сосед, до того ничего не знавший о Кире, от неожиданности встрепенулся, но, слава богу, обошлось без инфаркта.

Созревала Кира довольно быстро, как по габаритам, так и по умениям. Крылья её окрепли, и она могла уже пролететь несколько метров, но, даже немного летая, она предпочитала ходить, до тех пор, пока не набралась опыта. Теперь ей удалось взлетать на моё плечо и так путешествовать по нашей территории. Выпрашивать еду на плече тоже было намного удобнее. Она поворачивалась к моему уху и громко требовала угощения. Вряд ли она осознавала, что я слышу ухом и что именно туда нужно отправлять свои домогательства, но когда она садилась на плечо и поворачивала клюв ко мне, выглядело это как осмысленное действие. На плечо садилась она и к гостям, но только не за воротами, причем на чужом плече не попрошайничала.

Вскоре Кира разыскала весьма привлекательный объект – двухсотлитровую бочку с водой для полива. Она взлетала на край и с удовольствием плескалась в жаркие дни. Летала она

уже вполне прилично, но территорию не покидала. Не забывала она и о своем личном домике, там она могла отдохнуть в одиночестве.

Потом Кира научилась самостоятельно клевать корм. Можно было насыпать ей угощение в кормушку, но это вскоре и не понадобилось. Вокруг внезапно обнаружилось много прекрасной еды – кузнечики, жуки, гусеницы, черви. Любила Кира и ягоды, в особенности, красную смородину. Я собирал урожай, а она, сидя на моем плече, усердно мне помогала. А как-то Кира схватила лягушку, и эта лягушка закричала, как ребенок. Я до сих пор не могу забыть этот мучительный вопль.

Между тем, бесстрашие Киры все-таки имело границы. На стене дома, под крышей, обнаружилось осиное гнездо. Я решил избавиться от неприятного соседства и сбил его длинным шестом. Гнездо состояло из двух этажей-пластин. Каждая из пластин содержала несколько десятков отверстий, в которых созревало осиное потомство. На верхнем этаже жили похожие на гусениц сантиметровые личинки, а на нижнем – почти взрослые осы, которые пока еще не дозрели до полета. Гнездо это я, по доброте сердца, отдал Кире и она с удовольствием проглотила личинок, всех до одной. Потом личинки кончились и обнаружались юные осы. Не знаю, умели они жалить или еще нет, но Кира решила не рисковать и ни одну из них не тронула. А ведь до того никого из этих злюк она в своей короткой жизни не встречала. Некоторые знания

сидят в нас от предков. Точно также, когда по телу младенца проскользнет что-нибудь длинное и гибкое, например, поясочек, малыш в ужасе вздрагивает, как будто кто-то заботливый заранее вложил в него страх перед ползучими тварями.

Как-то к нам в гости пожаловала сорока, ей что-то понадобилось в нашей компостной куче. Кира ею сразу же заинтересовалась. Она мгновенно подлетела и предложила ей любовь и дружбу. Конечно, я не понимаю по-вороньи и по-сорочьи не понимаю тоже, но сцена была очень выразительна. Кира не каркала, а ворковала, заглядывала сороке в глаза, показывала, какие у неё чудесные крылья. Сорока не проявила ответного интереса. Так, буркнула что-то скандальным криком, потом взлетела и села на провод высоковольтной передачи. Кира еще никогда так высоко не забиралась. Тем не менее, она поднялась, с некоторым напряжением, села на провод рядом с сорокой и попыталась объяснить в любви. Сорока взмахнула крыльями и улетела насовсем, а Кира вернулась, забралась мне на плечо и долго жаловалась на суровую жизнь.

Потом она спряталась в своем домике и не выходила до вечера. Так она узнала, что далеко не всякий тебе приятель, даже если он тебе не пища, ты ему тоже и вы друг другу совсем не мешаете. Иногда чужие – уже немного враги.

Через месяц, когда наступила осень, Кира встретила ворону и они улетели вместе. На следующее лето она пару раз подлетала, каркала сверху, но на плечо больше не садилась.

Однажды она искупалась в бочке и оставила на память своё перо.

Экспансия себя

Мы существуем в мире, полном угроз и надежд, которые могут ранить или даже лишить жизни, либо, напротив, дать защиту.

Для того чтобы выжить, необходимо воспринимать образ себя самого, своей личности, и образ источника угроз – среды обитания. Личность – это некоторая совокупность текущих и прошлых ощущений от взаимодействия со средой, а образ среды – это память о прошлых и нынешних воздействиях на нас внешнего мира. И то, и другое – лишь переживания о событиях, произошедших с нами, наш внутренний мир, а не материальные объекты. Как же организм отличает, где кончается его «Я» и где начинается представление о чужом, о среде?

«Я» – это всё то, чем можно непосредственно распоряжаться. А внешний мир существует сам по себе, он способен решать вашу участь, а на него можно влиять только опосредованно. Солнце зашло за тучу, хлынул дождь, прекратить его не в вашей власти, но вы можете достать зонт. Поэтому живущие в мозгу представления о солнце, туче и дожде – это образы среды.

Но некоторые материальные объекты вы можете воспринимать, как часть себя. Например, ваше тело – материальный объект, но оно принадлежит вам, ваша личность лег-

ко управляет телом, это часть её самой. Передвинуть руку или сжать ладонь в кулак можно усилием мысли. Вы с кем-то контактируете, здороваетесь, или встречаетесь на ринге и четко понимаете, что есть ваша рука и есть чужая. У вас есть шанс передвинуть и чужую руку, но это не произойдет само собой. Если на руку наложить анестетик, или даже удалить ее, личность не уменьшится. Вы останетесь собой. Просто исчезнет возможность управлять рукой. Поэтому восприятие своей руки, как части самого себя, несколько условно. Ваше тело – это не совсем вы.

В мире царствует сильнык. Личность стремится увеличить свою мощь, безопасность и, как следствие, надежность своего существования, расширяя собственное «Я» и получая влияние на некоторые объекты материального мира.

Наиболее древний способ утвердить себя и тем самым распространить свою личность вовне можно через доминирование среди себе подобных. В простейшем случае это лидерство, право сильного, иногда рабство, феодальное право или просто отношение между начальником и подчиненными. Командовать, господствовать над другими для многих является важнейшей страстью и целью их существования. И стремление расширить свое доминирование ненасытно. «Государство – это я» – говорил, по слухам, Людовик XIV. Но иногда и этого мало, хочется покорить соседей, сначала ближних, потом далеких. Рвущемуся к власти никогда не навластовать всласть, молитву Окуджавы исполнить

нельзя. Но властолюбца можно вылечить общими усилиями. Или медикаментозно, как лечат тех, кто мыслят себя Наполеоном.

Издревле существует и другой способ утвердить себя. Все животные защищают свое гнездо и свою территорию, как себя самого. Человек – не исключение. У людей даже возникло сакральное понятие «священное право частной собственности». Это то, чем личность может свободно распоряжаться и что воспринимает, как часть себя самой. Л. Троцкий в своих воспоминаниях описывает, как его в Петрограде посетили иностранные дипломаты и пожаловались на революционных матросов, которые экспроприировали их автомобиль. Л. Троцкий саркастически замечает, что они были так возмущены, как будто у них отняли ногу или руку. И напрасно беднота надеется, что верхи насытятся и успокоятся. Стремление распространить свое «Я» вовне не имеет границ. Можно ограничить его законом, но вылечить нельзя.

Зачатие веры

Тёма высказывается лаконично, односложно. Двух слов пока связать не может, но уже кое-что соображает. Ему уже не интересно просто разглядывать мир. Он, по мере своих возможностей, действует. Нравятся ему игрушки на электрическом ходу. Нажимаешь кнопку на животе у клоуна – и он потом долго кувыркается по ковру без всякой помощи Тёмы. А когда дедушка запускает ему машинку для движения по кругу, Тёма недоволен:

– Сам! – Говорит он непреклонно. Ловит машинку, давит на кнопку и важно ставит её на пол.

Он быстро понял, что живет в эпоху кнопочной цивилизации. С удовольствием включает настольную лампу, чайник (даже пустой: нужно следить, чтобы он был наполнен), пылесос, принтер или фонарик. Он теперь даже умеет всё это и выключать.

По мере своих сил, Тёма внимательно исследует окружающую среду. Обнаружив шуруп на кресле или журнальном столике, он пробует нажать и на шуруп.

В то же время, он заметил, что соседский Мурзик прыгает без его помощи, и даже выключить Мурзика у Тёмы не получается. Тёма пробовал, но теперь не решается. А вот бульдозер около дома работает вообще без выключателя, но и не сам по себе. В кабине Тёма увидел дядю-водителя и всё тут

же осознал. Поэтому, когда у него на глазах башенный кран перетаскивал строительную панель на большой высоте, Тёма показал пальцем и уверенно сказал:

– Дядя!

Самого дядю видно, конечно, не было – Тёма сделал логическое заключение.

А как-то нас на прогулке неожиданно застала гроза. Сверкнула молния, и Тёма с недоумением огляделся вокруг. Потом над нами раздался мощный раскат грома. Тёма на мгновение замер и произнес:

– Дядя!

При этом он значительно показал пальчиком в небо. В голосе его слышались трепет и уважение.

Жизнь и новизна

Жизнь дается только раз, ее нужно охранять. И всё живое остро реагирует на внезапное изменение во внешней среде. Появился ли вызов? Чего теперь можно ждать? Что следует делать? Главное тут – неожиданность. Когда ты один в квартире, тихие шаги в соседней комнате впечатляют сильнее, чем гремящий телевизор. Но когда событие повторяется, оно уже не так интересно. Черета перемен тоже надоедает.

У человека острая реакция на новизну превратилась в движущую силу его связи с миром. Пытливость, равнодушие к окружающему, забота о будущем – у нас это смысл жизни. Поэтому познание необычного – не блажь бездельника. Это важно для любого, имеющего здоровую психику, а не только для избранных.

Но всё приедается. Старые люди, раньше или позже, постепенно утрачивают любопытство. Остроты становится всё меньше. Что бы ни случилось, с подобным они уже когда-то сталкивались. Как говорил библейский мудрец, «что было, то и будет, и нет ничего нового под Солнцем». А ведь «многие знания – многие печали». Старика уже не так страшит окончание его присутствия здесь и сейчас. Всё уже повидал и всё испытал. Спасибо. Как сказано об отце Аврааме: «И умер он в глубокой старости, насыщенный жизнью».

Ну, конечно, немного пугает сам момент перехода в необы-

тие. Пугает, но интригует.

Насыщение жизнью

Всякая тварь – жалкая амеба, заяц или даже берёза – хочет сохранить жизнь. Ведь это всё, чем она располагает. А жить, как известно, опасно; от этого умирают. Страх смерти заложен в нас природой, иначе мы бы не выжили в мире, полном угроз. Смерть ужасна, но без нее – никак, это наша сестра. В загробную жизнь уже даже и слабаки не верят... Не было бы смерти, нечего было бы желать, бояться и не о чем сожалеть. И если бы мы когда-либо, вдруг, встретили мыслящее бессмертное существо, то у него не было бы чувств, так как оно ничего бы не хотело, и отсутствовал бы повод чего-то опасаться. Поэтому оно бы ничего не совершало. Для него текущий момент был бы воплощением вечности. Этот демон равнодушно бы мыслил, но «без слез, без жизни, без любви».

Жизнь дается только раз, ее нужно охранять. И всё живое остро реагирует на внезапное изменение во внешней среде. Появился ли вызов? Чего теперь можно ожидать? Что следует делать? Главное тут – неожиданность. Когда ты один в квартире, тихие шаги в соседней комнате впечатляют сильнее, чем гремящий телевизор. Но, когда событие повторяется, оно уже не так интересно. Впрочем, и череда перемен тоже надоедает.

У человека острая реакция на новизну превратилась в движущую силу его связи с миром. Радость пребывания на

этом свете у нас не сводится к возможности потреблять блага. Пытливость, равнодушие к окружающему, забота о будущем – у нас это смысл жизни. Поэтому познание необычного – не блажь бездельника. Это важно для любого, имеющего здоровую психику, не только для избранных.

Но всё приедается. Старые люди, раньше или позже, постепенно утрачивают любопытство. Остроты становятся всё меньше. Что бы ни случилось, с подобным они уже сталкивались когда-то. Как говорил библейский мудрец, «что было, то и будет, и нет ничего нового под Солнцем». А ведь «многие знания – многие печали». Старика уже не так страшит окончание его присутствия здесь и сейчас. Всё уже повидал и всё испытал. Спасибо. Ну, конечно, немного пугает сам момент перехода в небытие. Пугает, но интригует. Как сказано об отце Аврааме: «И умер он в глубокой старости, насыщенный жизнью».

Разум утешает старого человека. За прошедшие годы он уже примирился с неизбежностью своего ухода. И, тем не менее, если переходя дорогу, отвлекшись на что-то, он услышит внезапный сигнал автомобиля, то он вздрагивает, как молодой. Тело живет по своим законам, учитывает лишь свои желания и принимает во внимание только то, что необходимо в данный момент. Сознание давно уже познало законы природы. Оно тоже прислушивается к сиюминутным потребностям, но исходит из логики, помнит прошлое, и не забывает об условиях, достаточных для поддержания даль-

нейшей жизни.

Не всё дело в брюках

Дима хорошо помнит, как будто это случилось вчера, как ему впервые купили брюки. Как у совсем взрослых, даже у матросов. Он был счастлив и горд. Ни у кого из друзей во дворе и в детском саду брюк не было. Колготки, рейтузы, шаровары, штанишки до колен, всё, что угодно, но не брюки. Он не девчонка, одеждой не интересовался, это было с ним первый и единственный раз в жизни. Дима выставлял напоказ обновку всем проходящим в их дом гостям, а если они не спешили проявить восторг, демонстрировал ширинку и показывал, как она застегивается на пуговицы.

Когда потом в садике проводили утренник, воспитательница, тетя Валя, именно Диму назначила принимать парад. Все, и даже из старшей группы, проходили мимо Димы, отдавали ему честь и Дима понял, как это здорово и приятно – быть главным. А вечером с ним беседовал папа о начальниках. Их не всегда уважают и очень редко любят. Иногда боятся, иногда ненавидят, иногда презирают. Но начальнику это и не важно, он все равно всегда недоволен жизнью и мечтает покомандовать своим начальником. Но тяжелее всего самому большому начальнику, он мечтает покорить соседнего, самого большого, начальника.

Обыденность

Он сидел на стуле. На самом обычном стуле, на котором он сидел уже много лет. Но всё было совсем не так, как всегда. Стул перестал быть неподвижным, он отзывался на движения тела и даже на повороты головы. Он не просто сидел, он парил. Всего было очень много, всё было широким и далекое казалось близким. Юным, нежным и бесконечным. Удалялось, вновь наступало, светило зеленым и пахло чем-то живым.

Это был старый, потертый стул и он не стал вдруг волшебным. Просто на этот раз он поместил его на тихой весенней поляне.

Восхитительный уродец

Родился я в маленьком городишке. Но это теперь я говорю – маленький. А тогда окружение казалось мне беспредельным. Дом наш был большой, трехэтажный. Таких было всего два. Напротив, через дорогу, стояли длинные бараки, там жили чертежники, я называл их строение «чертежитие», чем очень их веселил. Своих детей они еще не нажили.

За соседним домом начинался «хитрый» рынок – толкучка. Нам с Валериком заходить туда не следовало, да мы и не заходили: всё и так было хорошо видно. Женщины продавали там ерунду – всякие тряпки, а у мужчин было разложено на газетах много интересного: инструменты, трубки, никелированные детали, линзы и много еще чего непонятного. Мы только, бывало, заскакивали ненадолго, хотелось рассмотреть эти богатства поближе. И тут же поворачивали обратно. Иногда там выступали клоуны, Тогда мы ходили с мамами.

Мне уже шел четвертый год, а Валерик был на два месяца старше и лучше разбирался в жизни. И он метко стрелял из рогатки: ему даже удалось попасть в лампочку над подъездом – я видел сам. Когда мы играли вдвоем, Ленка из соседнего дома не брызгал в нас водой из своей клизмы.

Однажды, когда из передвижного цирка выкарабкался ручной медведь, все в страхе разбежались, и рынок момен-

тально опустел. Но мы-то понимали, что медведь ученый и совершенно безобидный. Сокровища, разложенные на газетах, остались без хозяев и, как бы, принадлежали теперь нам. Столько нам было даже не нужно. Но Валерик знал, что хозяева потом, когда уведут медведя, вернуться за своим добром и лучше ничего не трогать.

Самое интересное начиналось за рынком. Там был пустырь, на котором росли камыши, стояла старая сломанная машина и жили собаки. За пустырем белели солдатские палатки, и в них всегда что-то происходило: строевые занятия, переключки, танцы и драки. В палатках даже иногда стреляли, так говорил Лобан. Он уже был почти взрослый и ходил в школу. Но мы с Валериком стрельбы не слышали ни разу, хотя внимательно прислушивались, стоя за углом столовой. На пустырь нам заходить не разрешали. Здесь время от времени останавливался цыганский табор, и могло случиться всякое, так говорили наши соседки.

За палатками виднелись трубы завода, дым доносился и до нас. Завод был военный, и никто не знал, чем он занимается. Одни говорили – делает патроны, другие, что самодвижущиеся торпеды, в которых садятся японские камикадзе. Там работали наши родители. Они, конечно, всё знали, но с нами не делились, чтобы мы не скоро состарились. Но мы и так, каждый день узнавали что-нибудь новое. Случалось такое, чего, казалось бы, и быть не могло.

Как-то летом я гулял около нашего дома, ожидая, когда

выйдет Валерик. У тротуара стоял мотоцикл, что-то у него сломалось, и он никак не заводился. Я ходил по тротуару около мотоцикла: шагал напролом, а прохожие меня обходили. Вдруг прямо перед собой заметил маленького уродца. Толстячок, помладше меня. Весь он был черный, у него совсем не было толщины, и он немного шевелился. Я никогда раньше его не видел и он не был похож ни на кого! Ясно было, что уродец живой, и я сразу понял, что он имеет какое-то отношение ко мне. Как будто следил за мной и обезьянничал. Я отошел от него, а он – за мной. Я перешел на другое место, потом побежал и остановился. Мы покачали головами. Было видно, что он не передразнивает и совсем не вредный. Такой же, как и я. Ну, не совсем такой. Это было удивительно, чудеса, да и только. На свете есть кто-то смешной и славный! Не понравится это Леньке.

– Эй, ты кто? – Спросил я уродца. – Может быть, мы теперь всегда будем вместе?

Оглянулся – никто ничего не замечает. А странно, столько всего нового кругом... В этот момент ко мне подбежал Валерик, и я сразу поделился с ним своим открытием.

– Смотри, кто у меня есть! – показал я рукой.

– Что ты там нашел? – Не понял он и наклонился. – Вон тот камешек?

Я посмотрел и с ужасом заметил, что любимый уродец почти исчез. А потом совсем пропал. И на улице стало даже прохладнее и темнее. Было такое ощущение, как будто

я почти что умер. Ничего объяснить Валерику я не мог, он бы мне всё равно не поверил. Мы стали вместе рассматривать, как чинят мотоцикл. Валерик что-то мне рассказывал, не помню точно что. И вдруг уродец появился опять.

– Смотри, скорей, – шепотом сказал я, чтобы не спугнуть уродца.

– А-а... Знаю, – не выразил удивления Валерик. – Это у всех есть, и у меня тоже. Вон, рядом. Мне показывал папа. Называется – тень.

Я понял, что Валерик не видит в этом ничего особенно интересного. Никакой тайны, всё сразу объяснил папа. Мы стали обсуждать, откуда берется тень, когда солнце выходит из-за туч. И наши уродцы тоже это обсуждали. Странно, я не испытывал разочарования оттого, что тень есть у всех, все об этом знают и возникает она очень просто. Поразительное ощущение волшебства, таинства, мистической загадки, открытия осталось со мной навсегда.

Теперь-то я знаю, что это называют духовным переживанием. Кое-кто ощущает это, как религиозный экстаз и верит в чудо, а иные докапываются до сути. Если повезет, помогают эксперты, которые знают больше. А бывает, что проникнуть в смысл вещей не просто и приходится выяснять самому, иногда годами. Потом гордишься, что удалось решить проблему. И процесс постижения крайне увлекателен. Если, конечно, вопрос не пустяковый. Главное – не прозевать возможность, не проглядеть диво дивное.

Престиж, реноме, приоритет играют важную роль в достижении успеха. А прикосновение к секрету природы дает ощущение счастья.

Безопасная бритва

Дружба с Валерой была очень старой. Мы даже начало этой дружбы не помнили, ни он, ни я. Валера всегда всё умел, ничего не боялся, но наглым не был. Благодаря Валере, я чувствовал себя увереннее, а он любил выяснять, что я догадываюсь об устройстве жизни. Хотя ответы на его вопросы я придумывал на ходу, проблемы, которые его интересовали, не были примитивными и заставляли меня напряженно искать решения. Потом, через годы, Валера добывал рыбу в океане, а я пытался понять, как у животных возникает желание вдруг отправиться по своим делам.

Возвратившись на пару месяцев из странствий, он обычно отдыхал от рыбалки, охотясь на дичь, ловил раков и гонял без определенной цели на своем катере, который он смастерил из стекловолокна и эпоксидной смолы, а мотор собрал из найденного на свалке внедорожника. Встречались мы редко, но регулярно, обычно у него. Его Женька, как была красавицей в школе, так ею и оставалась. У них уже был малыш.

И вот однажды он, нагруженный добычей, возвратился с охоты и застал свою Женьку с офицером. Двустволка была за спиной, Женька получила заряд дроби в сердце, а кавалер – в пах. Сначала подозревали, что у Валеры был сообщник, потому что соседи единодушно утверждали, что выстрел прозвучал один, а, значит, стреляли двое. Одновре-

менно стрелять из двух стволов с большой скоростью, почти что слитно, можно, но не прицельно. Поэтому проводили даже следственный эксперимент, который показал, что Валера это умеет. Малыша забрала Женькина мать, в Одессу, и Валера никогда его больше не видел. Я, по собственной инициативе, попытался как-то их посетить, но неудачно, бабушка сторонилась любых воспоминаний о прежней жизни.

Уже потом, отсидев свои пять лет за «убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевших», Валера отрицал, что можно было плюнуть на всё и забыть или просто выгнать Женьку. Ясно, что таково наше естество, это не хорошо и не плохо, хотя и больно. И он тогда стрелял, как бы, в себя. Теперь он хотел всё забыть и подробности лагерной жизни никогда не рассказывал. Живи, говорил он, спокойно, не нужно тебе это знать. Только однажды проскочила подробность.

Как-то я принимал Валеру у себя на биостанции. Утром, перед лесной прогулкой Валера собрался побриться, попросил у меня бритву и я протянул ему станок и свежее лезвие.

– Мы, вроде, оба здоровы, зачем лезвие менять, – удивился Валера.

– Дело не в этом. На лезвии остаются индивидуальные следы ткани, кожи и крови. Организм воспримет их, как чужое, выработает антитела, а ты получим прыщи или сыпь, оно тебе нужно?

– Послушай, старик. Ты – профессор, я – моряк. Но здесь

ты, похоже, что-то не понимаешь. Там, в лагере, одним лезвием брилось более двухсот человек. И это было не самое худшее, что я там видел.

Палые листья и павшие

В южных странах нет сезонного разнообразия природы. Вечно живые растения не очень-то и похожи на нечто живое. Их красота стабильна и незыблема. Они несколько украшают ландшафт – и только. А живое всегда изменчиво.

Другое дело – мир средней полосы. Пожелтевшие листья шевелятся на ветру, и кажется, что они живее зелёных. Потом они устилают землю, и ветер уже не нарушает их покой. Радуют глаз гроздья рябины на голых ветках и кленовые листья на мокром асфальте.

Осеннее увядание природы вызывает тихую, возвышенную грусть и радость, рождает надежду на бесконечность бытия. Будет весна, и жизнь снова проснется. Появится свежая трава, распустятся цветы, поспеют ягоды, разольются ароматы.

Мы не сочувствуем умирающей красоте. Даже когда мы косим траву, рвем цветы, рубим ветви, собираем урожай мы не испытываем особых чувств – ни возвышенных, ни печальных. Мы не сострадаем растениям, когда прерываем их жизнь.

А смерть животных некрасива. Всякая: насильственная или естественная. Смерть близкого человека или чужого. Смерть дворового пса, голубя или бабочки. А ведь любая смерть животных не прерывает бытие. Появятся новые поко-

ления, пройдут полный цикл жизни и породят смену. Но всё же смерть наших братьев меньших ощущается, как невозполнимая утрата. Тихо умирающая от старости кошка – это не пожелтевший лист клена. В ней умирает личность...

На асфальте

Тогда я поднялся и вышел, слава богу, дверью не хлопнул, я хорошо это помню. Не убедил никого, да я и сам почти им поверил. В сердце разлилась терпкая гадость и запачкала душу. И я, наконец, не выдержал, но дверью не хлопнул. И теперь я здесь. Завидую животным, у них, говорят, нет совести, а меня она грызет. Похоже, не были они правы, но не стоило обижаться сразу на всех, если бы я объяснил толково, они бы поняли. А теперь, чувствую, уже не придется. Это бы еще ничего, ноги печет, как у босой собаки на асфальте. Наверное, каждый в душе босяк и я иногда тоже. Что-то я сделал не то. Обогнал хромого и доволен, а грузовик не увидел. Какие попались горькие сигареты. Везде обман. Интуиция и разум, жены и мужья, надежды и проза. Не хлопнул я дверью, это точно. Всякий раз так, стоит задуматься о чем-нибудь важном, как солнце скроется и плавают черные шары. А, ну конечно, это же собралась толпа, кричат на шофера. И что-то они все хотят от меня. Ничего приятного нет быть в центре внимания, вранье это. Смотрят жалостливо, а у меня не болит ничего, только мокро лежать. «Кто-нибудь помнит, когда он отключился?» спрашивает строгий голос. И почему асфальт горячий, но твердый, как лед? Им всем, похоже, тоже жарко, дышат, как из духовки. Сейчас подрумянюсь на горячем льду, покроюсь корочкой, а потом нико-

му не расскажу, кто мне поверит? Что же будет, я уже думаю с ошибками. Зрители, читатели, соглядатаи.

Звучание сердца

Я слышал, как у нее в груди стучит сердце. Оно гулко било меня по вискам и заставляло верить в сказки Андерсена. Мы говорили о будущем, о нашей жизни и удивительных людях вокруг нас. Мы вместе затратим усилия, чтобы радости стало больше, и у нас, и у других. Пока мы чувствуем в себе силу, мы никому не откажем, а уже потом отдохнем. Она собралась начать завтра же, не откладывая на потом, а сегодня еще не время. А назавтра – еще раз предложила отложить на потом. И я пошел сам и надеялся, и ждал, и бился один. Но не дождался. Да, я думал, что у нее в груди стучит сердце. Но оно не стучало, оно жевало, а прислушаться, так еще и чавкало. Да и груди у нее не было, и лица тоже. Так, один живот.

У нее есть сестра, прекрасное создание. Я думаю, что у нее в груди стучит сердце. Я это чувствую, ощущаю собственным сердцем.

Прогресс и старики

С тех пор как появилась речь и возникла возможность накопления и передачи опыта, старики, прожившие жизнь, передавали этот опыт молодым. Это, в глазах соплеменников, компенсировало их физическую слабость и не только оправдывало их существование за счет племени, но и создавало им ореол достоинства и мудрости. Как говорил ветхозаветный мудрец Екклезиаст, «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Так было всегда, тысячи лет...

Теперь – не так. На протяжении одного-двух поколений мир меняется очень резко. Другая наука, новая техника, более совершенный быт. Даже социальные отношения в обществе меняются полным ходом: на уровне семьи, работы, связей между людьми, взаимодействия больших групп. Перестраиваются юридические и моральные нормы.

Теперь опыт, которым располагают старики, остается не вполне востребованным. Больше того, старики хуже осваивают новое, чем их дети и внуки. Не удивительно, что сейчас молодые и относятся к нам снисходительно. Прогресс ударил по престижу стариков. Мы живем в другое время, о котором не догадывался Екклезиаст.

Неприступное сообщество

Любому существу свойственно заботиться о себе, кто его в этом упрекнет? Поэтому, даже если вам и не понравилась идея освобождать от уголовного преследования за коррупционные преступления, понять авторов можно. Тем более, освобождать от наказания собираются не полностью, а частично. Всего лишь, несколько ослабить давление, если факт коррупции случился в чрезвычайных обстоятельствах, скажем, при пожаре. Ну, не разобрался человек, не до того ему было. Многие хотели бы еще запретить упоминание в открытой печати имен проштрафившихся и места их работы. Чтобы сохранить престиж профессии.

Впрочем, не следует думать, что верхи заботятся только о себе. Ничуть. Власти обычно милостивы. Не ко всем, но ко многим. И, что не удивительно, к одним и тем же. Это роднит власть и облагодетельствованных граждан, и даже делает их социально близкими. Иногда все возможные милости предусмотреть трудно, но это не беда. Подскажут, похлопочут, завалят идеями. Иногда сверху, иногда сбоку, а иногда и снизу. Но, конечно не с самого низу: там тоже не дураки.

Многим уважаемым людям не нравится, когда притесняют бизнес. Для улучшения делового климата в стране необходимо исключить даже формальные возможности для давления на участников. Предлагают ограничить максималь-

ный срок давности за экономические преступления. Скажем, сколько-то лет прошло и всё, как бы, быльём поросло. Сейчас этот срок 10 лет и половина таких дел не доходит до суда, за истечением этого срока. Но половина-то доходит! Суд, правда, это еще не провал, но какая морока! В крайнем случае, советуют проводить амнистию по предпринимательским статьям к праздникам.

Конечно, осчастливленные слои итак не влачат жалкое существование. Но ведь лучшему нет конца. Когда человеку хорошо, он хочет, чтобы так было всегда, чтобы его не тревожили понапрасну, не посягали на главное. И не думайте, что главное для него – это его личное благосостояние. Ничего подобного, достаток у него уже есть, он рассредоточен, надежно защищен и его так просто не отнимешь. Самое ценное – это свобода. И не важно, кто ты есть, мышка-норушка или некто очень важный, как бы хлопочущий об экономическом процветании государства.

В то же время, недоброжелатели даже готовы использовать тот факт, что экономическая деятельность – процесс коллективный и, при неблагоприятных обстоятельствах, вменяют участие в преступном сообществе и это, как бы, усугубляет вину. И заинтересованные лица предлагают изменить определение преступного сообщества. Им может быть только содружество для совершения тяжких и особо тяжких насильственных преступлений или актов против государства и власти. Поэтому экономический союз, по смыс-

лу, является непроступным. Иначе ведь начнут привлекать вахтеров или уборщиц проштрафившихся предприятий.

Весьма популярна и такая идея: ограничить возможность привлечения дельцов к уголовной ответственности, а только лишь к административной и штрафам. И, уж конечно, не допускать заключения их под стражу в качестве меры пресечения. Здесь, правда возникает противоречие с известным и всеми любимым изречением:

«Вор должен сидеть в тюрьме»

Воровство, как-никак, тоже экономическое преступление. Нужно еще учесть, что подобные дела теперь часто вершат открыто, даже демонстративно. Это уже не воровство и больше похоже на грабеж. Может, и за грабеж сажать не будем, если обошлось без человеческих жертв?

Иерархия пиетета

Нельзя всех любить одинаково, это всё равно, что не любить никого.

В реальности доминирует обычно любовь к самому себе, семье, родственникам, друзьям, землякам, а уже потом к стране. А за границей живут, конечно, совсем уж чужие, что вполне объяснимо. Эмоционально ближе тот, кого ты понимаешь. Иностранцы могут быть не так чтобы уж очень отворачиваются и даже, на первый взгляд, вполне себе ничего, в особенности, если судить по противоположному полу. Просто не всегда знаешь, чего от них ждать.

Но если каждый за себя, это тревожно, того и гляди передерутся и развяжут войну всех против всех! Сначала защищают свое, потом прихватывают и чужое. Государство не может пустить такую систему предпочтений на самотек и прилагает усилия, чтобы внедрить в массы обратный порядок приоритетов – сначала любовь к стране, к верхам и только потом к своему ближайшему окружению. И предпочитает называть себя Родиной, а в особых случаях – Отчизной. Предателя нарекут изменником Родины, а не изменником государства, хотя привлекут за государственную измену. Население именуют народом, потому что интересы народа, все знают, святое для власти. И это, отнюдь не повод для иронии. Здесь зарыто зерно суровой правды. Авторитетный прави-

тель ощущает страну своей и даже отождествляет державу с самим собой. Поэтому и граждане – это часть его самого, спросите у любого истинного патриота. Руководство приветствует патриотизм. Как-никак это преданность им самим. И они тоже самим себе преданы. Потому что это естественно, вы бы и сами на их месте были лояльны верхам. Выходит, что у элиты совпадает любовь к себе и любовь к государству. Получается очень сильное чувство.

Патриот беззаветно предан государству, в лице законной власти. Верный сын, он даже в мыслях не допустит, что народу может стать еще лучше, если в державе наступят какие-либо перемены. Граждане знают, что им есть, что любить. Вот широко принятые синонимы названия государств: «Страна древней культуры» (Грузия), «Владычица морей (Англия)», «Священная Римская империя» (Германия), «Новый Свет» (Америка), «Страна четырёх стихий» (Канада)», «Прекрасная страна» (Италия), «Поднебесная» (Китай), «Страна восходящего солнца» (Япония), «Святая Русь» и пр. При этом всем очевидно, что на территории легендарной державы достойны жить и страдать только гиганты духа. Тем более, люди охотнее воспринимают идеи о своей исключительности, чем о равенстве неизвестно с кем. При этом если Родина не твоя, то предмет восхищения малопонятен, но государство не может существовать без сакрального флера.

Между тем, любовь к Родине – отнюдь не только пропа-

ганда. Родину не выбирают, но любую из них кто-то любит и эта любовь непостижима, как и любовь к женщине. На свете много прекрасных или просто милых девушек, дам и даже старушек. Каждую кто-то любит больше жизни и предпочитает всем другим. Но выбор не понятен для постороннего взгляда. Тем не менее, есть и различие. Родину всегда любят свою, а женщину, часто – чужую. Иногда, тем не менее, и страну выбирают новую. Сначала это острые ощущения, потом комфорт и достаток, а Родина одна.

Государство выше морали. На верховном уровне моральные нормы неприменимы, высшие интересы позволяют пренебрегать второстепенными. Стране важны приоритеты. Когда хор поет «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!» – то это патриотическая песня. А если кто-то скажет, что ему чужого не надо, но и своего гроша он никому и никогда не отдаст – то он презренный тип и скупердяй. Хвастать, кичиться, хорохориться – не принято. Но полагается гордиться прошлым страны, одобрять настоящее, предвидеть грандиозное будущее и ощущать себя представителем славного народа. Смотрите, восхищайтесь, завидуйте нашей мощи, духовности и единству. Увенчанное победами население не позволит ни внешним, ни внутренним врагам посягнуть.

Святое право на аферу

Не все согласны жить пешкой, даже если прилично платят. Куда достойнее так организовать свою жизнь, чтобы зависеть лишь от себя самого. И не обязательно основать фабрику, издательство или туристическое агентство.

Допустим, вы умеете ремонтировать полы. Проще всего, найти ремонтную контору и предложить свои услуги, но получите вы за свой труд лишь малую долю того, что заплатил заказчик, потому что контора содержит персонал, который не ремонтирует полы, но обеспечивает финансовые потоки и бесперебойное получение заказов. Вы поднимитесь на более высокий уровень, если будете сами разыскивать клиентов. Это вполне законная деятельность и есть множество способов самому организовать свой труд. Можно заняться репетиторством, пением в подземных переходах, покраской заборов или разведением цветов.

Существует, однако, способ вкладывать меньше усилий, а получать больше. Это коммерция, самый примитивный бизнес: купил дешевле, продал подороже, нужно лишь вклиниться посредником между производителем и потребителем. Припахивает жульничеством, но разрешено. Достаточно небольшого начального капитала – и вы хозяин примитивной лавчонки, миллионером не станете, но на жизнь хватит, а там, как пойдет. С этого начинали многие уважаемые

дельцы.

Некоторая доля хитринки спрятана в любом бизнесе, закон позволяет крутиться и это даже имеет официальное название – коммерческая тайна. Другое дело, если бы речь шла об изобретении, защищенном патентом, но нет. Смысл тайны в способе так обмануть заказчика, чтобы не догадался твой конкурент, который тоже не спит. Конкуренция, казалось бы, не должна сводиться к попыткам одурачить соперника. Но власти потакают бизнесу и помогают прятать концы в воду. Для этого существует не только коммерческая тайна, но и банковская тайна. Засекречена информация о контрагентах, зарплатах и бонусах работников и даже о прибыли предприятия. Прозрачность экономической деятельности затруднила бы жизнь аферистам.

Между тем, запрет на прозрачность экономической активности отнюдь не единственный способ власть имущих облегчить управление народом. Еще более строгий запрет наложен на прозрачность политической деятельности. Резко ограничено право на получение информации. Государство финансирует пропаганду, что естественно. Но должны существовать и свободные средства массовой информации, больше того, их нужно финансировать их казны, независимо от воли истеблишмента, иначе мы потеряем адежду на прогресс. Нельзя лишать людей права критиковать действия правительства, и даже сами законы. Конечно, выполнять законы обязан каждый, критикуй, но исполняй.

Растяжимая правда

Добро и зло, что может быть проще? Ответ незамысловат: всё остальное проще. Интуитивно всеобщее равенство и братство относят к добру, а угнетение и агрессию – к злу. Но воплотить этот идеал в реальности пока никому не удалось, и, может быть, никогда не удастся.

Мы живем в коллективе и часто мешаем друг другу. Хочешь или не хочешь, нужно взаимодействовать. По некоторым правилам. Для создания логики существования социальной системы были потрачены усилия лучших умов. Некоторые идеи зарождались внизу, другие – навязывали сверху. Ни одну другую научную проблему не разрабатывали столь тщательно, долго, трепетно и затратно: на примере стаи, племени или государства. Затем всё это проверяли в эксперименте, как и полагается, испытывать идеи в любой добропорядочной науке. Выводы узнавали спустя много лет, но, ведь, и торопиться было некуда.

Формально, добро законно, а зло незаконно. Всё, что можно – педантично перечислено, но не всё законное можно считать моральным. А если запрет не предусмотрен, то это законно. Скажем, хитрить, подличать, доносить, унижаться, притеснять или опекать не противоречит закону и допустимо. Больше того, справедливость каждый из нас невольно понимает индивидуально, по отношению к самому себе. Если

на кого-то свалилась удача, это обычно не радует остальных и воспринимается, как превратность судьбы и даже неправедность.

Закон и справедливость отнюдь не синонимы, ведь подерживать закон приходится силой. Право сильного пришло к нам из древности, еще из животного мира. Это древнейшее и простейшее из правил. Силу закона может воплотить в жизнь лидер, и это обычно очень далеко от справедливости, ведь он и его окружение имеет собственные интересы. Правила поведения должны обеспечивать стабильность племени и удовлетворять нужды и чаяния членов. Естественно, что потребности и предвкушения низших и высших слоев различаются, но каждый должен ощущать хотя бы иллюзию справедливости, в противном случае возможны катаклизмы. Приходится искать баланс между напором сильных и стремлениями слабых.

Правда неудобна в обращении, а частную правду легко приспособить к любым нуждам нужных людей. Но тогда сами законы уже содержат элемент коррупции. Поэтому формулировать законы не всегда удается четко, без внутренних противоречий. Когда общий закон усложняют частными оговорками, сразу возникают, логические неувязки. Правда становится растяжимой, безразмерной. Правдой «по случаю». Например, запрещают критиковать государственную власть. Закон также наделяет запредельными привилегиями лиц у власти. Этот касается права личной неприкосновенно-

сти для судей, депутатов, представителей силовых структур. Членов данных элитных клубов можно привлечь к ответственности только с разрешения своих коллег. А если «свои» не согласны – он неподсуден. Может быть, и торговцев должны судить коммерсанты, а воришек – воровская сходка?

Некоторые правила исходно придуманы в интересах особых групп населения и дискриминируют остальных. Так, плоская (или почти плоская) шкала подоходного налога прямо направлена против бедных. Ведь государство больше тратит на защиту дворцов, чем на защиту хижин. Другой пример – платное обучение престижным профессиям. Это прямо ограничивает шансы неимущих подняться по социальной лестнице. Плохо припахивает и платная медицина.

Свои привилегии сильные стремятся передать по наследству, но ослабевшему лидеру это иногда трудно реализовать мирным путем. Поэтому, с некоторых пор право сильного стали воплощать через «священное» право частной собственности. Но, чтобы обеспечить людям равные возможности, дети разбогатевших отцов не должны наследовать их богатства полностью, но получать лишь долю, которая облегчит их старт. Это обеспечило бы снижение социальных перекосов. Здесь напрашивается параллель с детьми уголовников, которые конечно, не должны принимать на себя полную ответственность за проступки отцов, однако все-таки, волей-неволей, они испытывают недоверие общества и это затрудняет их старт. Им труднее пробиться в жизни. Законы,

в идеале, должны быть одинаковы для всех.

Различий в материальном достатке людей избежать невозможно, но это не должно нарушать принцип равенства всех перед законом. Если некто нарушит закон, его поступок должен оценить суд. Каждый имеет право на защиту. Но эффективность этой защиты должна быть одинаковой для всех. Однако дорогой адвокат может выгородить богача, но такого шанса почти лишен бедняк. Адвокат в суде должен быть бесплатным, выбирать его следует по жребию, и консультировать подсудимого может лишь он. Частная юридическая консультация подсудимых должна быть признана проявлением коррупции. Однако, ни в одной из стран мира этот порядок не вводят. Это не приемлют заинтересованные лица.

Необходимо ввести также налог на челядь (кухарки, лакеи, охранник и пр.). Наниматели должны вернуть государству ту долю национального богатства, которая приходится на каждого, обслуживающего их причуды.

Право частной собственности, однако, не абсолютно, так как государство сильнее даже очень важных персон. Ну, кроме одной, самой важной. Любая собственность может быть изъята при возникновении острой государственной необходимости. Землевладелец не может отсоединить свой земельный участок от страны. А ведь в желающих недостатка бы не было. Отделился – и живи по своим правилам. Твое слово на твоей территории – закон. Делай, что хочешь, всё позволено. Но есть и более жизненные примеры. Скажем, владелец ре-

сторана не посмеет вывесить у себя объявление «Только для белых», хотя, казалось бы, он не оскорбляет черных, просто не зовет их в гости на частную территорию.

Ущемление по закону

Возможности человека зависят от уровня его благосостояния. Богатство многое дает: уверенность в завтрашнем дне, предметы роскоши, избавление от монотонного труда, челядь, свободный выбор объектов для общения, путешествия, облегченный старт для потомства. Это обидно для бедняков, но никак не задевает их неотъемлемые права. Нельзя, скажем, гарантировать каждому прислугу или привольное безделье. Другое дело, если капитал был нажит незаконным путем. Но пока доказательств нет или они надежно спрятаны – терпи, ты-то не добился успеха, ни мытьем, ни катаньем.

Источником бюджета страны является народ и природные ресурсы, а распоряжаются им власти. Часть финансов идёт на поддержание государства: на управление, армию, жандармерию, суд, полицию, прокуратуру, пропаганду и структурные проекты. Содержание элит также считается государственной необходимостью. Содержать рядовых людей не нужно, они трудятся и прокормятся сами, но некая доля бюджета уходит на то, чтобы держать их в узде, обычно с благими намерениями, потому что недовольных стоит контролировать.

Каждый обязан соблюдать закон. Больше того, каждый имеет право соблюдать закон, и, если бы это стало нормой, жизнь была бы легка и прекрасна. Но это в идеале. А на прак-

тике законы иногда построены так, что высшим выполнять правила приятнее и легче, чем низшим. Тогда в обществе невольно возникает разложение, но факт коррупции установить невозможно – всё по закону.

На формулировку законов больше влияют властимущие и, конечно, не забывают о своих интересах. Но есть такие права, которыми должен обладать, в равной степени, любой, вне зависимости от места, которое он занимает на социальной лестнице, и это обычно подтверждает конституция. К сожалению это далеко не всегда так в реальности. Различие некоторых фундаментальных прав для людей с разным достатком свидетельствует о наличии в государстве скрытой коррупции. Эти перекосы легко перечесать, но трудно пресечь. То есть, привести всё в божеский вид не трудно, было бы желание.

А. Право на жизнь. Трудно представить себе цивилизованное общество, которое защищает, преимущественно, жизни богатых. И это относится не только к правоохранительным органам, что само по себе очевидно, но означает также, что медицина должна быть бесплатной. Отказ в помощи неимущим граничит с убийством. Если элита желает лечиться на высоком уровне, ей следует вкладывать средства в народное здравоохранение и лечиться на общих основаниях. Оказание платных медицинских услуг следует считать скрытой коррупцией.

Б. Право на личностный рост. Для этого доступ к просве-

щению должен зависеть только от собственных усилий и таланта индивидуума. Создание препятствий к образованию и частных учебных заведений – примета коррупции. Соответственно, мотивы продвижения по службе должны быть максимально открыты для общественного контроля.

В. Право на получение информации. Государство финансирует пропаганду, но свободные средства массовой информации нужно тоже финансировать из казны, независимо от воли истеблишмента. Любые сведения, не связанные с интимными тайнами граждан или с безопасностью страны должны быть открыты.

Г. Право на выражение собственного мнения. Человек может выражать свое мнение по любым вопросам в текущей общественной жизни и во время выборов. Он, в частности, может критиковать не только действия правящих кругов, но и сами законы, не прекращая эти законы выполнять. Самовыражению иногда противодействуют, принимая специальные законодательные акты и это верный признак коррупции.

Д. Право на юридическую защиту. Для того чтобы перспективы защиты в суде были равны для всех, адвокаты, как и прокуроры, должны быть государственными служащими, назначаться по жребию и защищать бесплатно. Частная юридическая консультация подсудимого – элемент коррупции, так как это малодоступно бедным.

Е. Право на доступ к товарам и услугам без посредников. Это бы предотвратило накрутку цен. В качестве официаль-

ного посредника между производителем и потребителем может выступить государство, при условии объективного информирования потребителя о локализации доступных товаров и ценах. Частное посредничество признается противозаконным, а торговля – коррупционной деятельностью.

Ж. Право на прозрачность экономической деятельности. Это означает ликвидацию коммерческой тайны, банковской тайны, рассекречивание информации о зарплатах и бонусах работников, а также о прибыли предприятия. Конкуренция не сводится к попыткам одурачить соперника.

З. Право на обеспечение минимальных потребностей. Это касается и тех, кто не желает работать, иначе нарушается принцип А.

В настоящее время нет ни одной страны, где эти права реализованы. Верхи не хотят поступаться принципами.

Клин – клином?

Нет ничего ужаснее, чем тяжело больной ребенок. Чтобы облегчить его страдания, почти каждый готов отдать кому угодно душу, вслед за Фаустом. В последние годы о трагедиях этих несчастных крох нам не забывают напоминать и утром, и днем, и в прайм-тайм. В особенности, старается телевидение. Очаровательные малыши с поникшими лицами просят на лечение, с миру по нитке. Но тут в голову невольно приходят недоуменные вопросы.

Не понятно, как и за какие заслуги выбирают кандидатов на лечение среди тысяч и тысяч страдальцев. Других оставят на произвол судьбы или помогут всем, но показывают нам лишь формальных представителей будущих пациентов? Механизм сбора денег тоже не вполне прозрачен. На объявления о больших трагедиях маленьких мучеников тратят рекламные паузы, а это время дорого стоит. Может быть, было бы проще направить на лечение ту часть прибыли от коммерческой рекламы, которую занимают маленькие просители? Нам показывают претендентов на помощь по несколько раз каждый час. За день-два, максимум за неделю, можно было бы собрать всю необходимую сумму. А ведь одного и того же малыша демонстрируют по месяцу. Не ясно также, почему возникает необходимость срочного сбора денег, учитывая право граждан на восстановления здоровья. Если выле-

чить ребенка реально, но ему отказали из-за экономии бюджета, то это мало чем отличается от предумышленного убийства. Нарушает наиболее фундаментальное право человека, на жизнь.

Это делает сбор средств на лечение малышей столь неправдоподобным, что возникает догадка, вдруг всё это лишь гигантский пропагандистский прием и цель этой громкой компании не связана ни с детьми, ни с их страданиями и ни со сбором денег на эфемерное лечение. Всё, похоже, проще. Обыватель живет тяжело, в нужде и заботах. И вот он видит, что есть гораздо более несчастные люди, у них погибают дети, и лечить их не на что. По сравнению с этим, его собственные неурядицы выглядят заурядной мелочью, их преодолеть ничего не стоит, зато дети, вот они, здоровые, копошатся понемногу. И он несколько примиряется с реальностью.

Бездельник тоже хочет жить

Некоторым счастливым труд в радость. Но работать, чаще всего, не интересно, тяжело и утомительно. А тянуть лямку как-то надо. И есть такие, кто без особого энтузиазма, но добросовестно, мучается в труде. Другие преодолеть себя не могут и, в меру специфического таланта, хитрят, что-то по-мелочи проворачивают, выпрашивают, окручивают ближних, подлизываются к сильным.

Государство им ничего не платит, платить-то не за что. Но на этом не сэкономишь, они, не мытьем, так катаньем, как-то наскребают себе на житье и продолжают существовать, иногда даже и безбедно, за счет общества. Поэтому принцип «кто не работает, тот не ест» ничего не дает, его реализовать нет никакой возможности.

Единственный выход – выплачивать бездельникам прожиточный минимум, а за противозаконную суету с чистой совестью щелкать по носу. Все, ведь обладают правом на жизнь, и это право прямо записано в конституции. В отличие от них, тех, кто не работает по уважительной причине, больным, инвалидам, сиротам, старикам, многодетным семьям, а также лицам, попавшим в трудную ситуацию, государство обеспечивает дополнительно к этому минимуму.

Адвокатски беспредел

Судьба у каждого своя. Одним – всё, другим – ничего. Конечно, все люди разные, но не настолько же? Кому-то удается родиться талантливым или красивой, стать уникальным мастером своего дела, другой появился на свет с серебряной ложкой во рту. Но не каждому удается обнаружить себя в обеспеченной семье, влиятельные родственники имеются не у всех, а социальные лифты торопятся возить не всякого. И с этим следует примириться, потому что не существует разумного способа преодолеть такой порядок вещей. Люди такие, какие они есть: реальные, не святые. Если отбирать у них, нажитое предками или ими самими, во имя чего они будут надрываться? Никто не придумал способа искоренить покровительство. Наши оценки претендентов на карьерный рост субъективны, и трудно определить, продвигают ли кого-то по благу или по заслугам. Это очевидно, только если обошли на повороте лично тебя и тогда просыпается обида и недоумение.

Единственное, что могло бы утешить обиженных судьбой – это равенство всех перед законом. Нормы эти, конечно, не идеальны, но их следует выполнять всем. И принцу, и нищему. Зарвался – отвечай! Однако, ни в одном цивилизованном государстве мира это простое условие не выполняется. И дело даже не в том, что система может быть коррумпиро-

вана, что следователи ищут не истину, а место под солнцем, а прокуроры находятся в плену обвинительного уклона.

Даже если в юридической системе любой судья неподкупен, нет телефонного права, все живут по писаным законам, и есть свободная пресса, готовая выявить компромат на власть имущих, суд почти всегда оказывается милостив к высшим и строго карает слабых. И всё это в полном соответствии с буквой закона. Не придерешься, даже, если хочется!

Чашу весов обычно склоняет в пользу обвиняемого умелый адвокат, который остро заинтересован в исходе дела и способен обелить клиента. Талантливый защитник по карману лишь толстосуму, а бедняку нереально подтвердить свою правоту. Где тут равенство всех перед законом?

А выход есть. Адвокат должен быть бесплатным. Выбирать его следует по жребию, а оклад связывать с долей выигранных им дел, чтобы сохранить у него материальный стимул к победе. Мы ведь не нанимаем себе прокурора (хотя охотники бы нашлись). Если бы защитника, как и прокурора, назначали, то государство искало бы истину, а не обвиняло. Бесплатные адвокаты есть и сейчас, их назначают бедным. А нужно, чтобы всем. Тогда подсудимые будут проходить через суд в равных условиях. Неофициальные консультации юристов с обвиняемыми должны быть признаны проявлением коррупции и строго наказываться. Повышать юридическую грамотность следует до, а не после.

Этот примитивный шаг сделать легко, было бы желание,

и он мог бы ликвидировать безнаказанность высших и упоминание их своей властью. Плохо лишь, что желания у элит как раз и нет. Впрочем, если Суд зависит от верхов, то способ выбора защитника не так уж и важен.

Налог на челядь

Многим обидно, когда подходящий налог непропорционально возрастает вместе с доходом. Многим, но не всем и даже не большинству. Небогатым это даже нравится. Потому что это похоже на экспроприацию несправедливо нажитых капиталов.

Но что делать с теми, кто разбогател благодаря таланту, уму, труду или, наконец, кому просто повезло? Почему эти-то должны вносить в общественную копилку больше бедных, неумелых, невезучих или скромных неудачников? Казалось бы, для таких состоятельных людей, вполне законопослушных, можно сделать исключение. Докажи, что ты не крал, не грабил, не брал взяток и не давал их, не обманывал, не притеснял, и прочее (список очень длинный) – и ты чист. Всё, что нажил, твое, никто на это не претендует. А не доказал – в тюрьму? Или доказывать должен прокурор?

Впрочем, это не та проблема, которую хотелось бы обсудить. Богатые в любом случае должны платить в казну больше и это вполне справедливо. Ведь государство больше тратит на защиту дворцов, чем на защиту хижин. Больше того, оно защищает обитателей дворцов, от рядовых обывателей. За чей счет оно должно это делать? Неужели бедняк должен платить за собственную плетку? Поэтому неравномерные взносы вполне справедливы. Это относится и к налогу

на роскошь. Поэтому, когда государство не пронизано коррупцией, законодатель не забывает о нервномерной шкале и этот перекося в налогах заметнее в более справедливых странах.

Вместе с тем, никто не озаботился тем, что существует еще одна привилегия богатых, за которую им следовало бы платить. Необходимо ввести налог на челядь (горничные, лакеи, охранники и пр.). Ведь это официально признанное право иметь рабов. Конечно, добровольное рабство хорошо оплачивается хозяином. Любой согласный прислуживать раб для поддержания своей жизни может потреблять больше обычных граждан. При этом, он лишь удовлетворяет аппетиты своего хозяина, вместо того чтобы обеспечивать нужды населения и страны. Допустим, он согласен быть высокооплачиваемым рабом, а мы-то причем: ведь он сидит и на нашей шее!

Наниматели должны вернуть государству ту долю национального богатства, которая была затрачена на выращивание каждого, кто обслуживает их причуды и пользуется защитой от внешних врагов и от криминала внутри страны.

Невольный геноцид

Не всё в мире устроено рационально. Часто мы разбазариваем свое время без определенного смысла, просто так. Встречаются, скажем, две дамы зрелого возраста. Слово за слово, то да сё. Одна рассказывает о своих проблемах, другая терпеливо ждет, не перебивая. Потом наступает её черед и уже она повествует, а первая вежливо пережидает и старается скрыть скучающую мину на ухоженном личике. Обе потеряли по кусочку жизни, убили впустую часть своих дней, а их осталось не так уж много. Но, хотя бы, выговорились, поправили состояние души. А иногда и этого нет, когда мы вынуждены скучать в очередях, на остановках автобуса или, пока на престижном концерте поет кем-то пригретый бездарь. И время течет зря, в эти мгновения ты, вроде бы, и не живешь вовсе.

Пустьяки ли это, минута туда, минута сюда. Но иногда эти упущенные моменты вмешиваются в наше существование на регулярной основе и тогда пагубно влияют сразу на многих.

Любой из нас скучал в пробке на дороге, не самое приятное занятие. Причиной может быть авария, ремонт или перекрытие пути из-за кого-то важного, по особому случаю. Но бывают пробки регулярные, повседненные. На некоторых перекрестках они устойчиво держатся всегда, каждый день, в любое время года. Это признак плохо запроектированно-

го перекрестка, в таком месте постоянно простаивают десятки легковых машин, маршруток, автобусов, в которых маются страдалцы. Состав автомобилей в пробке меняется, одни протискиваются вперед, другие пополняют очередь горемык. Но их всегда много, бессмысленно переводящих время и силы в ничто.

А ведь задача разрешима, стоит лишь упрятать один из потоков машин под землю, или построить мост. Полсотни строителей справятся за несколько месяцев. И расходы не так уж велики. Тем более, если учесть, что в пробке и так, без конца и начала, пропадает время сотен бедолаг, квалификация которых часто повыше, чем сноровка строительных рабочих. Прямая выгода. Правда, теряют они, в основном, свое личное, индивидуальное время.

Есть, однако, и более разительные примеры бессмысленной траты нашего времени, например, просмотр рекламы. Нам внушают, будто бы, нечто стоящее появилось в продаже, где-то предлагают скидки, кто-то предоставит за бесценок уникальную услугу или – сенсация – идеальное лекарство от множества болезней и почти задаром. Надоевшие соблазны лезут даже не в уши, а в душу. Тем более, реклама, по сути своей, пристрастна. Обычно блок рекламы забирает до пяти минут. Как заметил когда-то Зиновий Гердт, реклама – это очень больно.

Уместно ли говорить об этих жалких минутах? Но не забудем, что нас десятки миллионов, индивидуальные кусоч-

ков складываются в огромный интервал потерянного времени. Даже минутная реклама превращает в мусор, в общей сумме, полный век нескольких людей. Эти жизни уничтожили, превратили в ничто. За годы безвозвратно уходят в пыль миллионы человеческих жизней. Чем это не геноцид? Впрочем, никто не пытается сознательно уничтожать людей. Просто прибыль. Она важнее.

Кое-кто сочтет, что просмотр рекламы – это, всего лишь, легитимная плата, которую взимают с нас за просмотр содержания. Плата, правда, кровавая. Но спасибо вам, хозяева жизни, что не сдаете часть аудитории, в качестве платы, на мясокомбинат. Это могло бы принести властителям кое-какой дополнительный навар.

Голосуете списком?

Иметь своё мнение каждый может. Проблемы – сложные, а ты один. Всем мы люди, со своими особенностями, личным опытом и предпочтениями. Но иногда суждения разные, а оценки индивидуальны. Понимание своеобычное, но решение у всех одно – до самых мелких деталей.

Такое случается даже с мудрейшими из людей, например, с депутатами законодательного собрания. Иногда они по самым запутанным вопросам голосуют списком – единогласно. В особенности, если они члены одной партии, фракции или союза. Как только доходит до принятия решения, вся фракция действует солидарно. И это интуитивно понятно. Они представляют одно политическое течение и судят о предмете обсуждения со сходных позиций.

Тем не менее, у обывателя такое единодушие вызывает некоторое недоумение. В особенности, странновато дружное принятие тех законов, которые порождают неприятие в обществе. Тогда озадаченность понемногу переходит в оторопь. Неужели депутаты настолько уверены в своей правоте, что они раз за разом, как сговорившись, принимают общее решение и ни один из них не соизволил усомниться?

Если даже каждый парламентарий уверен в своей правоте на 99 %, то есть шансы, что хотя бы кто-то, да усомнится. Не один, так другой. Не 165-й, так 166-й. Весьма вероят-

но, что хотя бы один из всего кворума, проголосует против. И пусть при рассмотрении данного вопроса этого не случилось, вполне вероятно, что кто-то пойдет наперекор общему мнению в одном из двух заседаний, не в первом, так во втором. Но если они так единообразны, какова индивидуальная ценность каждого из них? Взаимозаменяемые участники процесса не очень-то интересны каждый в отдельности.

Нет, как хотите, но люди не могут быть настолько обезличенны. Списанием голосуют намеренно. Существует партийная дисциплина и за своеволие можно отхватить по полной. И это вполне логично. Баллотировались списком, вот и голосуйте списком. И даже если кто-то проходил по одномандатному округу, его поддерживала родная партия всей своей пропагандистской машиной. Поэтому изволь соответствовать, а не хочешь – найдут более понятливого.

Список собранных на выборах голосов – отличная мера электоральной силы партий и прямой метод для выявления победителя парламентского сражения. Депутаты будут не нужны, всё равно, голосует список. А список денег не просит и это даст колоссальную экономию бюджета. Средства, которые уходят на содержание депутатов и их аппарата нашли бы лучшее применение, а это десятки миллиардов рублей. Да еще добавьте региональные парламенты.

Эволюция коррупции

В московском театре комедии дают пьесу «Идеальный муж» по Оскару Уайльду. Повествуется о теневой стороне жизни высших кругов Англии конца XIX века. И крайне интересно сравнить коррупцию прежнюю и нынешнюю.

Главный герой, сэр Чилтерн – важный государственный муж. На заре карьеры он получил конфиденциальную информацию о том, что правительство собирается поддержать строительство Суэцкого канала и поэтому акции должны взлететь. Он продал эту тайну барону Арнхейму. В результате тот купил акции за три дня до того, как это планировало сделать британское правительство, а сэр Чилтерн «заработал» целое состояние. Это и послужило основой его взлета по карьерной лестнице. Теперь доказательство его неблагоприятного поступка раздобыла миссис Чивли и поставила его перед выбором: либо он в парламенте поддержит грязную аферу со строительством аргентинского канала, либо она предаст гласности его прошлое преступление. Сэру Чилтерну не хотелось бы потворствовать жуликам, но этот позор неизбежно обрушил бы его политическую карьеру и развалил бы его брак, так как жена его, леди Чилтерн, придерживается стойких моральных принципов.

Узнав о шантаже, друзья сэра Чилтерна из высшего света ему сочувствуют, но потрясены его неблагоприятным по-

ступком в далекой молодости. При этом актеры обращаются непосредственно в зал. А в зале в это время слышатся редкие смешки зрителей. Видимо, сопоставляют. И остается гадать, как бы Оскар Уайльд изобразил жизнь нынешней элиты.